

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

1901.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографіе „В. С. Балашевъ и К^о“, Наб. Фонтанки, 95.
1901.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

М. Азбукинъ. Ученикъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I-й (окончаниа измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи). Изданіе второе (исправл. и дополн.). Орелъ 1898. 59 стр. Цѣна 25 коп.

Книга г. Азбукина сохранила тотъ же характеръ догматичности, который она имѣла въ первомъ изданіи, и благодаря которому каждая ошибка или неточность выраженной составителя невольно усугубляется. А такихъ погрѣшностей въ книгѣ г. Азбукина, по нашему мнѣнію, сохранилось еще довольно много.

На 3 стр. „Подлежащее... узнается по вопросамъ кто? что?“ Этотъ *человѣкъ* — мой *братъ*. Вопросъ *кто?* равно приложимъ и къ подлежащему, и къ глазуемому.

На 4 стр. Въ выраженіи „*И на мягкой постели*“ (иногда плохо спится) г. Азбукинъ видитъ какую-то новую синтаксическую категорію: *обстоятельство уступленія*. Согласимся на это, но на слѣдующей же строкѣ читаемъ, что *соединительными* слова (примѣры на и) „не входятъ въ составъ предложенія“, между тѣмъ въ данномъ примѣрѣ вся concessivность обстоятельства какъ разъ въ этомъ и заключается. Не собьютъ ли это ученика, да, пожалуй, и учителя?

На 6 стр. Азбукою называется собраніе всѣхъ буквъ какого-нибудь языка.

На 9 стр. Примѣчаніе. Предметы: Богъ, ангелъ и т. п. называются духовными.

На 10 стр. Звательный падежъ отвѣчаетъ на вопросы кто? что?

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

На стр. 17. При упоминаніи о *pluralla tantum* напрасно поставлено авторомъ: „немногія названія городовъ“, потому что такихъ названій довольно много.

На стр. 19 дѣленіе относительныхъ прилагательныхъ на три разряда съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ особо можетъ повлечь къ большой путаницѣ. Положимъ, что ученикъ, основываясь на дѣленіи г. Азбукина, отнесетъ прилагательное *дубовый* къ *вещественнымъ*, какъ означающее *матеріалъ*; но будь оно въ предложеніи соединено съ словомъ *цѣпъ* или съ словомъ *лѣсъ*, и отнесеніе окажется ошибочнымъ. Для догматики во всякомъ случаѣ это дѣленіе не годится.

На стр. 20 въ грамматику напрасно введены какъ нормальныя *мень, болъ, даль, долъ*, а на стр. 59 даже *ну-те*: вѣдь это курсъ практическій, а развѣ учитель можетъ позволять ученику употреблять эти выраженія въ устной или письменной рѣчи?

На стр. 25 числительное *пятый* должно отвѣчать на вопросъ *какой по порядку?* Это невѣрно: надо *который по порядку*; на первый же вопросъ отвѣчаютъ слова *верхній, нижній, крайній, послѣдній, средній* и другія прилагательныя.

На стр. 26 приводится полное склоненіе: *Полтора—полторы—полторы (?)*; только форма „о полоторыхъ“, должно быть, кажется г. Азбукину сомнительной, потому что онъ печатаетъ ее мелкимъ шрифтомъ. Мы знаемъ выраженія: *полтора рубля, полторы тысячи*, но не можемъ себѣ представить множественнаго числа отъ этихъ паръ. Насколько намъ извѣстно литературное русское словоупотребленіе, эти формы употребляются для выраженія именительнаго и винительнаго падежей, что же касается до остальныхъ падежныхъ формъ, онѣ имѣютъ въ срединѣ и соответствующія окончанія прилагательныхъ во множественномъ числѣ: *полторыѣ рублей* и т. п.

На стр. 35 напечатано слѣдующее, явно неточное опредѣленіе: „Видомъ глагола называется такая форма, которая означаетъ, совершилось ли (исполнилось ли) дѣйствіе“

На стр. 36. Неопредѣленное наклоненіе выражаетъ характеръ дѣйствія неясно, неопредѣленно (читать). Это совершенно непонятно.

На стр. 37: „безличными называются тѣ глаголы, которые имѣютъ только одно 3-е лицо (вѣроятно, предполагалось добавить единственнаго числа), напримѣръ, *неможется*“. А *кажется, мутитъ?* Развѣ эти слова не суть безличные формы, хотя вполнѣ можно сказать *мучу, кажусь, мутю, кажусь*.

Объ изученія родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1899. 184 стр. Цѣна не обозначена.

Эта книга представляетъ собою дополненное по рукописямъ покойнаго академика, а равно и статьямъ, не изданнымъ отдѣльно, новое изданіе его бесѣдъ „Объ изученіи родного языка“. Бесѣды же, въ свою очередь, составляютъ извлеченіе изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ И. И. Срезневскимъ осенью 1860 года въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Переизданіе этой книги слѣдуетъ признать весьма своевременнымъ въ виду возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ вопросамъ нашего среднеучебнаго курса и сомнѣній въ правильности постановки у насъ курса русскаго языка.

Покойный академикъ Срезневскій былъ не только глубокимъ знаткомъ русскаго языка и его исторіи и обладателемъ разностороннихъ филологическихъ познаній,—онъ былъ въ то же время настоящимъ педагогомъ и знаткомъ учебно-филологическаго дѣла и у насъ, и на западѣ. Нужно ли упоминать о томъ, что тонкій умъ покойнаго И. И. Срезневскаго, ясность его діалектики и своеобразность языка дѣлаютъ настоящую книгу не только интересной, но даже привлекательной? Первая глава посвящена выясненію того значенія, которое имѣетъ родной языкъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ исторіи цѣлаго народа.

Знаніе языка, составляющее основу его изученія, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, имѣетъ двѣ стороны: первая заключается во внутреннемъ знаніи словъ или, по своеобразному выраженію автора книги, въ знаніи *про себя*, для удовлетворенія внутреннихъ требованій ума познающаго (знаніе словъ и знаніе сочетаемости словъ); вторая или внѣшнее знаніе предполагаетъ рядъ *умѣній* (пользоваться словами, соединять слова и т. д.). О характерѣ самаго изученія родного языка И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующія слова, которыя по справедливости должны быть названы замѣчательными: „Надобно изучать именно то, что требуетъ сама природа — и такъ, какъ требуетъ, не мѣшая ей, а помогая. Какъ знаніе основное, средняное, вызываемое жизнью и вызывающее всѣ силы духовныя, живое знаніе родного языка не можетъ быть сравнено ни съ какимъ другимъ знаніемъ. Всякому знанію есть границы, опредѣляемыя силою памяти; границы живого знанія языка опредѣляются не столько памятью, сколько силою мышленія, силою *думы разума*, себѣ самому дающаго отчетъ въ своихъ движеніяхъ *словными* выраженіями. Чѣмъ болѣе человекъ

вдумывается въ себя самого и по все окружающее опредѣленно. то-есть, словами, тѣмъ болѣе—вольно или невольно—работаетъ надъ своимъ языкомъ. Вдумывается въ средства, представляемые языкомъ для выраженія мысли. стараться самому быть на сторожѣ при всякомъ словномъ выраженіи всякой мысли, искать для каждой, съ тѣмъ, чтобы найти, выраженіе вѣрное, живое и достойное, давать себѣ отчетъ въ каждомъ и при каждомъ давать отчетъ въ мысли, упорчивать это за собою навыкомъ свободнымъ, навыкомъ ума, а не памяти и вишняго чувства: вотъ что значить изучать свой языкъ" (стр. 17 и 18) и далѣе: „Гдѣ только навыкъ, тамъ нѣтъ свободы мышленія, а гдѣ нѣтъ свободы мышленія, тамъ нѣтъ и дѣйствія ума. Конечно, необходимъ и навыкъ, но подчиняемый уму, навыкъ—не какъ мертвая привычка, а какъ живое умѣнье“.

Эти слова являются опредѣлятельными для всѣхъ остальныхъ сужденій Срезневскаго, какъ въ отрицательной, такъ и въ положительной ихъ части. Онъ не разъ высказывается противъ такъ называемаго логическаго разбора, противъ господства въ школахъ учебнаго, особенно (напр. стр. 41—44) на первыхъ ступеняхъ обученія (стр. 38—40), противъ заучиванія наизусть прозы (стр. 35); къ заучиванію, какъ онъ справедливо указываетъ, надо *приохотывать*, а не *принуждать*. Особенно вооружается академикъ Срезневскій противъ логическаго разбора, находя неправильнымъ даже наименованіе его логическимъ: на первыхъ порахъ обученія разборъ, по его мнѣнію, не только неумѣстенъ, но прямо вреденъ.

На стр. 56 и слѣдующихъ авторъ даетъ перечень разнообразныхъ упражненій, которыми онъ думаетъ замѣнять схоластическія упражненія изъ области грамматики. Интересно, что въ нихъ числѣ онъ ставитъ и переводы (стр. 56), но на первомъ планѣ стоитъ чтеніе и пересказъ, при чемъ матеріаломъ для него должны служить главнымъ образомъ произведенія, дающія возможность ознакомиться съ сокровищницей русской народной рѣчи. Въ качествѣ книгъ для учениковъ онъ хотѣлъ бы видѣть книгу для чтенія, ручной словарь и справочное грамматическое руководство: интересно, что это руководство предлагается не для разучиванія, а для чтенія вмѣстѣ съ учителемъ, и затѣмъ оно усвоится при помощи постоянныхъ справокъ. Въ приложеніи помѣщаются любопытные проекты уроковъ и испытаній по родному языку на первой ступени.

Характерно опредѣляется значеніе испытанія въ концѣ четырехлѣтняго начальнаго курса. „По моему крайнему убѣжденію“, гово-

рить Срезневскій, „успѣшность провѣряется—вовсе не спрашиваемъ того, что было выучиваемо, а испытаніемъ, въ какой мѣрѣ всѣ работы и упражненія принесли ученику пользу“. Экзаменъ долженъ быть безъ подготовки и имѣть характеръ письменнаго изложенія.

Своими образчиками уроковъ и вообще положительной сторонѣ своихъ педагогическихъ указаній Срезневскій не придаетъ окончательнаго значенія и не считаетъ ихъ рѣшеніемъ вопроса о формѣ и характерѣ начальнаго преподаванія. По его мнѣнію, только опыты и „широкая педагогическая гласность“ могутъ установить правильный методъ и программу обученія русскому языку (182).

Весьма интересны соображенія Срезневскаго о томъ, какой именно языкъ надо изучать, какъ родной (стр. 21 и сл.), и опредѣленіе роли писателей въ смыслѣ обогащенія народной рѣчи.

Въ общемъ мы полагаемъ, что книга покойнаго академика Срезневскаго, если даже мы и не со всѣмъ въ ней согласимся и не все сочтемъ равно доказаннымъ, являясь результатомъ долголѣтней выскокой и оживленной духовной дѣятельности, которая была направлена на вопросы, близкіе русской школѣ, можетъ послужить украшеніемъ учительскихъ библіотекъ нашихъ.

В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. В. Покровскій. Москва 1899. 100 стр. Цѣна 60 к.

Эта книга въ сокращеніи была прочитана въ публичномъ заведеніи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 25-го апрѣля 1898 (стр. 1). Она состоитъ изъ IX главъ: I посвящена общей характеристикѣ критики Бѣлинскаго, II сопоставленію Бѣлинскаго съ Мерзляковымъ, III — съ Полевымъ, IV — съ Надеждинымъ, V — съ Шевыревымъ, VI — съ Булгариннымъ и Сенковскимъ. Въ VII Бѣлинскій разсматривается, какъ создатель исторіи новой русской литературы. Въ VIII и IX указываются тѣ стороны критики Бѣлинскаго, которыя кажутся автору тѣневыми, и замѣчанія критика, которыя г. Покровскій считаетъ ошибочными.

Укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что г. Покровскій *не сочувствуетъ внесенію въслѣдъ сочиненій Бѣлинскаго полностью въ школьныя библіотеки* и указываетъ на то, что въ интересахъ школы слѣдовало бы подвергнуть взгляды Бѣлинскаго болѣе подробному пересмотру „въ виду настойчиваго домогательства нѣкоторыхъ (?)“ давать всѣ его сочиненія ученикамъ средней школы (стр. 100).

Очевидно, что тѣмъ самымъ г. Покровскій опредѣляетъ и положеніе своей книжки въ нашихъ школахъ: правильно ли передавать ее въ ученическія бібліотеки, если ошибочные взгляды критика въ ней подробно излагаются, да еще выдѣлены въ двѣ особыя главы, хотя бы и съ цѣлью ихъ опроверженія?

Книжка г. Покровскаго содержитъ много интересныхъ и хорошо сгруппированныхъ фактовъ. Обращаемъ вниманіе на первую главу, гдѣ подобраны отзывы о писателяхъ, начинавшихъ свою дѣятельность при Бѣлинскомъ: о Гончаровѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, Майковѣ, Григоровичѣ.

Надо также отмѣтить значительную долю объективности сужденій, обнаруженную авторомъ при сопоставленіи Бѣлинскаго съ другими критиками. Яркость таланта Бѣлинскаго не помѣшала г. Покровскому отмѣнить достоинства и отмѣтить вліяніе Мерзлякова, Полевого, Надеждина. Очень хорошо также сдѣлалъ авторъ, что по большей части характеризовалъ взгляды отдѣльныхъ критиковъ ихъ же словами, цитируя ихъ отзывы (напримѣръ, на 38 стр. отзывъ *Московскаго Телеграфа* о „Борисѣ Годуновѣ“, Надеждина о „Графѣ Нулинѣ“ стр. 41—42).

Очень обстоятельно и объективно охарактеризованъ у г. Покровскаго и Шевыревъ (стр. 49—55). Рядомъ съ этимъ безъ излишняго пафоса, но убѣдительно указывая на исторію, оправдавшую многія изъ мнѣній Бѣлинскаго, г. Покровскій сопоставляетъ взгляды этого послѣдняго на Беведиктова, Тургенева и Достоевскаго съ сужденіями о нихъ же Шевырєва (стр. 54 сл.).

Съ другой стороны, мы считаемъ нѣсколько страннымъ, что г. Покровскій нашелъ нужнымъ сопоставлять взгляды Бѣлинскаго на Пушкина и Гоголя съ мнѣніями Булгарина и сужденіями Сенковскаго (стр. 62—75). Различіе между этими несоизмѣрными величинами столь рѣзко, что сопоставленіе ихъ оказывается парадоксальнымъ и малохарактернымъ для обѣихъ сторонъ.

VII глава книжки г. Покровскаго, рассматривающая Бѣлинскаго, какъ создателя исторіи русской литературы, даетъ много интересныхъ фактовъ для характеристики современныхъ ему попытокъ теоретическаго и историческаго изученія нашей литературы, напримѣръ, книгъ Греча, Плакина, Максимовича.

Двѣ послѣднія главы заняты изложеніемъ, какъ говоритъ г. Покровскій, „погрѣшностей“ Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода, а отчасти

и новыхъ произведеній (стр. 84 сл.). Г. Покровскій старается при этомъ объяснить критическіе недочеты Бѣлинскаго недостаткомъ свѣдѣній его въ области древней письменности (стр. 91), а также слабостью научной разработки предмета въ его время. Но авторъ не закрываетъ глазъ и на недостаточную продуманность, на субъективность или зыбкость нѣкоторыхъ изъ сужденій Бѣлинскаго, напримѣръ, въ отзывахъ о литературной дѣятельности Карамзина (стр. 93 сл.), о „Горѣ отъ ума“ (стр. 94 сл.), о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, о „Сказкахъ“ Пушкина.

Учебникъ вотаники. Примѣнительно къ программѣ, выработанной Медицинскимъ Совѣтомъ для фельдшерскихъ школъ. Составилъ *П. И. Сметловъ*, преподаватель приюта принца Ольденбургскаго и С.-Петербургской Военно-фельдшерской школы. Съ 42 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе „Медицинскаго Журнала“. 1898. Стр. 68.

Авторъ на 68-ми страницахъ сжато и весьма конспективно излагаетъ морфологию, анатомию, физиологию и систематику растений. Въ виду такой сжатости, конечно, многія части учебника оказываются настолько неясными и малоговорящими ученику, что въ сущности являются бесполезными. Что можно, напримѣръ, сообщить о столь важныхъ для прикладнаго знанія бактеріяхъ на 10 строкахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ (стр. 68)? Мхамъ посвящено менѣе страницы, а грибамъ 1½. Водоросли опущены вовсе.

Сообразно съ задачами учебника авторъ обращаетъ болѣе вниманія на растенія, имѣющія примѣненіе въ медицинѣ, и не сообщаетъ многого, важнаго въ общеобразовательномъ отношеніи. Перечисляя, напримѣръ, виды сухихъ плодовъ, авторъ опускаетъ такую обычную форму, какъ зерновку. Ничего не говорится о приспособленіяхъ къ обстѣмененію. Вообще, многое, допустимое въ учебникѣ, написанномъ для профессиональнаго преподаванія, неумѣстно въ учебникахъ, предназначенныхъ для общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Врядъ ли удобно преподавателю реального училища или женской гимназіи дѣлать крестоцвѣтныя растенія иа декоративныя, кухонныя и медицинскія (стр. 52). Но и теоретическія представленія автора отличаются сбивчивостью. Такъ, верхушка корня называется точкой роста (стр. 10), корневые волоски приписываются лишь нѣкоторымъ корнямъ, а не всѣмъ (стр. 11). Неясны представленія автора о циркуляціи соковъ въ растеніи (стр. 30) и метаморфозѣ веществъ (стр. 38 и 43). Такъ, продуктомъ разложенія угольной ки-